

Илья Муромец и сын (3)

Стояли на заставе богатыри,
Стерегли-берегли они стольней Киев-град.
Не много их было, добрых молодцев, —
Триццетъ три богатыря,
Во главе стоял самый старей козак Илья Муромец.
Поутру рано старей пробужался,
Кунию шубу надевал на одно плечо,
Пухов колпак на одно ухо,
Чаблеты одевал на босую ногу,
Выходил вон на улицу из белой шатра,
Припадал к матушке сырой земле правым ухом,
Не дрожит ли матушка сыра земля дубровушка зелёная,
Уж слышал он, што дрожит матушка сыра земля.
Вынул он свою трубку подзорную,
Стал он смотреть в чисто поле.
Увидел он: в чистом поли
Поежживат доброй молодец,
Каленую стрелу он постреливат,
И на полёте он стрелу подхватыват.
Заходил он вновь во белой шатёр,
Разбужал он добрых молодцов:
«Ставайте вы, добры молодцы!
Будет вам спать, пора вставать,
Во чистом поли стоит негодущка:
Поеждиват там доброй молодец,
Каленую стрелу он постреливат,
И на полёте он стрелу подхватыват.
Кого ле бы послать узнать,
Какой он земли, какой Орды,
Какой отчины, какой отцовщины?
Пошлём мы Олёшу Поповичя —
Олёша был роду вежливого и очесливого,
Умел как с людьми сойтись и съехаться».
И отправили Олёшу Поповичя
Расспросить доброго молодца.

Поехал Олѣша во чистó полѣ.
Подъѣждят он к добру молоццу,
Сиздали́ кричит он добру молоццу:
«Ох ты ой еси, добрый молодец!
Какой ты земли, какой Орды,
Какой отчины, какой отцовщины?
Стоим мы на за́ставе, бога́тыри,
Берегѣм-стерегѣм стольней Киев-град».
А доброй молодец с им говорить не желат.
А подъѣждят к нему,
Говорит ему таково́ словó добрый молодец:
«Старого я козака возьму у вас во писари,
Добрыню Никитича — во конюхи,
А Олѣшу Поповичя — во кучеры».
Дал Олѣше по тяпышу,
И прибавил по алабышу.
Поехал Олѣша ко белу шатру —
Едва на коне сидит.
Стречают Олѣшу добры молоццы,
И видят: Олѣша сидит да не по-старому.
Говорит Олѣша такovy слова:
«Добрый молодец говорил:
„Старого я козака возьму у вас во писари,
Добрыню Никитича — во конюхи,
А Олѣшу Поповича — во кучеры“».
Закипело у старого ретивó серце́ кровью горячей.
Скоренько он стал снаряжаться во чистó полѣ,
Брал он всю свою приправу молодецкую,
И садилса он на добра́ коня скоренько,
И погонѣл в чисто поле к добру молоццу.
Не бра́тились тут, не здоровались,
А прямо стрецились копьями бурзамѣцкими.
У старого по бесчастью по великому
Права рука прома́хнулась —
И вылетел он из седла вон и пал на сырую землю.
Приеждий добрый молодец ткнул его в ретивó серце́
Копьѣм да бурзамецким.
Был у старого на груди чуден крест серебряный,
О крест копьѣ его остановилосе и притупилосе.

То́гда старой взмолился Господу Богу:
«Стоял ведь я за веру православную,
За церкви божии,
Выдал меня Господь тотарину богатому!»
Проевилось тут у старого силы множество.
Соскочил он со сыро́й земли,
Сронил проеждего доброго молодца с добра́ коня
И ткнул его в ретиво́ сердце́ копьём бурза́мецким —
В плечи рука его остоялась.
Стал он спрашивать доброго молодца:
«Скажи мне, добрый мо́лодец,
Какой ты земли, какой Орды,
Какой отчины, какой отцовщины,
Как тебе именём зовут?»
Отвечал ему добрый мо́лодец:
«Как был я у тебя на белы́х грудя́х,
Не спрашивал твоего роду-племени,
Прямо порол груди белы́я».
Ткнул старой второй раз во черны груди —
Во локтю опять его рука да остоялася,
И опять стал спрашивать старой козак доброго молоцца.
Отвечает добрый молодец по-старому.
Занёс то́гда старой козак во третей након копье́ бурза́мецкое —
В заведи́ рука его да остояласе.
То́гда стал отвечать добрый молодец:
«Я от того от моря от студёного,
От того от камешка от серого,
От той матушки от Златы́горки».
То́гда старобой соскакивал с белы́х грудей,
Брал доброго молоцца за белы́ руки́,
Подымал с сыро́й земли́,
Стал говорить таковы́ слова́:
«С твоей матушкой родимой
Стояли мы три года — тегались,
Собственный ты мой ронно́й сын,
Оттого и рука у меня оста́ивалась».
(Больше ничего не слыхал.)

(Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Поздеева Ивана Петровича, 64 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.